

М.Н. Вольф

**ПОРЯДОК АРГУМЕНТОВ
И ИХ ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
В ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ РАЗДЕЛАХ РЕЧИ ГОРГИЯ
«О НЕ-СУЩЕМ» ПО ДВУМ ВЕРСИЯМ ЕЕ ПЕРЕСКАЗА***

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор ИФПР СО РАН. Институт философии и права Сибирского отделения РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; профессор кафедры истории философии и логики. Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: rina.volf@gmail.com

Статья посвящена вопросу о философском характере двух версий пересказа трактата Горгия «О не-сущем» – скептической версии Секста Эмпирика и перипатетической анонимного автора. Предложен сравнительный анализ аргументов, которых придерживаются информаторы при изложении мысли Горгия, и демонстрируется философская проблематика, которая обсуждалась Горгием, судя по пересказам его речи, и то, каким образом обе версии дополняют и уточняют друг друга в плане философской проблематики. Показано, каким образом Горгий модернизирует и трансформирует исходные установки Парменида, переводя план обсуждения с того, как мысль может быть направлена на объект и каковы свойства такого объекта, на то, как мысль может быть направлена на не-сущее. Соответственно, в отношении учения Горгия рассматриваются проблематика интенциональности, вопрос о привилегированном статусе какого-либо из ментальных состояний, природа слова или речи как автономного способа познания внешних объектов, проблема значения как референции, вопросы интерсубъективности в познании. Делается вывод, что предпочтение одной из версий пересказа существенно обедняет наше представление об учении Горгия, тогда как совместный анализ обеих версий в состоянии продемонстрировать включенность софистической проблематики, поставленной Горгием, в общую философскую, и в том числе эпистемологическую, парадигму как античной, так и современной философии.

Ключевые слова: софистика, Горгий, Парменид, Секст Эмпирик, аргументация, античная эпистемология, интенциональность, восприятие, субъективный идеализм, ментальные состояния

Для цитирования: *Вольф М.Н.* Порядок аргументов и их философское содержание в эпистемических разделах речи Горгия «О не-сущем» по двум версиям ее пересказа // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 112–127.

---

* Исследование выполнено по гранту РФФИ-ОГН 17–03–00360 «Дескриптивная эпистемология Горгия Леонтийского в контексте философского понимания античной софистики».

На данный момент известны две версии речи Горгия «О не-сущем, или О природе» (далее – *ОНС*). Одна дошла в составе произведения «Против логиков» Секста Эмпирика (*АМ* 65–87), другая – в составе сочинения «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» (V–VI. 979a11–980b21) (*De Melisso, Xenophane, Gorgia*, далее – *МХГ*) анонимного перипатетического автора. Они не только по-разному излагают аргументы Горгия, но и получили разные оценки со стороны исследователей, касающиеся как аутентичности и подробности самого пересказа, так и отражения его философского содержания. Дискуссии о предпочтительности какого-либо из пересказов для интерпретации горгиевской меонтологии ведутся уже почти век, и у каждого из них есть свои приверженцы.

Сторонники версии Секста, наиболее популярной в 1-й пол. XX в., делают упор на риторический аспект речи Горгия, поскольку его самого характеризуют не как философа, а как ратора и софиста в негативном значении этого слова, подчеркивая нигилистический и субъективистский характер его идей. Сторонники версии Анонима, активно обсуждаемой во 2-й пол. XX в., разделяют более строгий философский и лингвистический подход и предлагают различные реабилитирующие философские интерпретации учения Горгия. Может сложиться впечатление, что такой разброс предпочтений обусловлен источником, на котором основывается каждая из интерпретаций, но в действительности, судя по всему, они оформились стихийно, вследствие определенных историко-философских традиций и до недавних пор не являлись отражением сознательной позиции исследователей.

К сожалению, для российской истории философии практически вся полемика западных исследователей вокруг пересказов речи Горгия прошла стороной, поэтому ее контекст и осмысление заслуживают отдельного обсуждения (в данной статье за недостатком места мы их касаться не будем). Утрату российским антиковедением дискуссионного контекста о предпочтительности версий трактата и их интерпретаций можно объяснить знакомством только с единственной версией изложения речи Секстом Эмпириком¹ и отсутствием до недавнего времени полного перевода псевдоаристотелевского трактата *МХГ* на русский язык. Первые две части трактата, приписываемые Мелиссе и Ксенофану соответственно, впервые опубликованы в 1989 г. в составе издания А.В. Лебедевым «Фрагментов досократиков»², и раздел, посвященный Горгию, в этом переводе отсутствовал. Сам трактат *МХГ* практически не обсуждался в русскоязычной литературе даже в контексте его аристотелевской или псевдоаристотелевской принадлежности³. Перевод третьей части о Горгии вышел только в 2014 г.⁴ В силу этих обстоятельств в российской литературе практически не обсуждались ни философская составляющая *МХГ*,

¹ На русский язык имеются два перевода версии пересказа Секстом: более ранний А.О. Маковельского (*Маковельский А. Софисты*. Вып. 1. Баку, 1940. С. 29–33), сделанный с издания Г. Дильса (*Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch / Hrsg. von H. Diels*. Berlin, 1903), и более поздний – А.Ф. Лосева, в составе полного перевода сочинения Секста Эмпирика (*Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик*. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 73–77).

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.

³ Имеется статья Е.В. Орлова, в которой значительный раздел посвящен переводу *МХГ* А.В. Лебедевым, вернее первым двум частям, Ксенофану и Мелиссе (*Орлов Е.В. О русских переводах Аристотеля // Вестник ТГУ*. 2007. № 298. С. 51–59).

⁴ *Вольф М.Н.* Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в «*De Melisso Xenophane Gorgia*», V–VI: Условно-формальная структура и перевод // *ΣΧΟΛΗ*. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 152–169.

ни его аргументы и тем более не проводилась работа по сопоставлению соответствующей аргументации с АМ.

В предлагаемой статье мы намерены соотнести эпистемические разделы указанных пересказов и обозначить философскую проблематику, которая либо имплицитно содержится в самих аргументах Горгия, либо привносится в нее пересказчиком или, в ряде случаев, переводчиком. То, что Горгий, возможно, первым зафиксировал и сформулировал достаточно серьезные гносеологические проблемы, а его пересказчики смогли их распознать и интерпретировать внутри актуального для каждого из них философского контекста, на наш взгляд, свидетельствует, во-первых, о равноправном статусе обоих пересказов (нельзя сказать, что один из них в большей степени риторический, а другой – философский), во-вторых, о том, что сам Горгий отнюдь не нигилист и насмешник, а, напротив, серьезный философ, чей вклад в античную эпистемологию нельзя не учитывать.

* * *

Как известно, в самом трактате Горгия им обозначены три раздела, или структурных аргумента: ничто (не) существует, все существующее непознаваемо, но даже если его познание возможно, то невозможно передать содержание полученного знания другому. Соответственно, первый раздел носит онтологический характер и представляет собой меонтологию Горгия, два других – эпистемический. Текст трактата содержит значительное количество отсылок к предшествующей досократической философской мысли. Если Аристотеля рассматривают как первого историка философии, который подвел черту под досократическими и платоновскими размышлениями о первых началах и причинах и на этом основании начал строить собственную философию, то в отношении Горгия будет справедливым сказать, что он своим рассуждением, с одной стороны, подвел черту под досократическими учениями о взаимосвязи мышления, существования и языка выражения и, с другой стороны, произвел ревизию используемой для этого аргументации.

Вполне закономерно, что первая часть рассуждения Горгия нередко рассматривается отдельно от двух других: онтологическая и две эпистемические части вполне автономны. В первом разделе Горгию важно продемонстрировать существование не-сущего, поставив тем самым под сомнение приемлемость элеатовского метода⁵. В двух эпистемических разделах критика элеатовского метода продолжается⁶. Для Парменида главным критерием существования является принципиальная мыслимость и вербализуемость сущего, Горгий же доказывает, что независимо от того, о каком существовании, согласно содержанию 1-й части, идет речь (сущего, несущего или того и другого вместе), ни истинно помыслить, ни корректно высказать ни сущее, ни не-сущее невозможно.

⁵ Наиболее подробное рассмотрение этой части трактата см.: Kerferd G.B. Gorgias on Nature or That Which Is Not // *Phronesis*. 1955/56. Vol. 1. No. 1. P. 3–25.

⁶ Эпистемические разделы речи Горгия неоднократно рассматривались в западных исследованиях. Наиболее значимые из них: Mourelatos A.P.D. Gorgias on the Function of Language // *Philosophical Topics*. 1987. Vol. XV. No. 2. P. 135–170; Striker G. Methods of sophistry // *Striker G. Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics*. Cambridge, 1996. P. 3–21; Caston V. Gorgias on Thought and Its Objects // *Presocratic Philosophy: Essays in honour of Alexander Mourelatos*. Aldershot, 2002. P. 205–232.

Ниже мы обратимся к эпистемическим разделам (аргументам) и наметим в самом общем виде те принципы и порядок аргументации в них, которых придерживаются наши информаторы при изложении мысли Горгия, и покажем, каким образом обе версии дополняют и уточняют друг друга в плане изложения философской проблематики Горгия, оставив без комментария общие места в персуазивной структуре и риторические приемы. На наш взгляд, даже такое сопоставление в первом приближении может показать, что изолированное изучение сохранившихся версий, а тем более отказ от какой-либо одной в пользу другой существенно обеднит любую интерпретацию учения Горгия. Сначала в таблице мы представим порядок аргументов и то, как они соотносятся в разных версиях, затем прокомментируем содержание таблицы.

Таблица 1. Соответствие порядка аргументов в МХГ и АМ⁷

	МХГ	АМ
I	I аргумент, онтологический, где представлено рассуждение о том, что сущее тождественно с несущим, на чем строятся дальнейшие аргументы	
II	II аргумент, эпистемический – обсуждение возможной созависимости мышления, существования и познания	
Тезис	Если x мыслится (познается), то x необходимо существует, и если x не существует, то x не мыслится.	Если x мыслится (познается), то x не существует, и тогда если x существует, то не мыслится.
1	Аргумент от действительности (положения дел) и неразличения истины и лжи (интенциональный аргумент)	
(1)*	§ 17 Если сущего нет, то все доказательства ложные: из необходимого существования мыслимого выводится по противоположению, что нельзя помыслить то, что действительно не существует. MaC влечет $\sim Ca \sim M^{**}$	[77] Если мыслимое не является сущим, то сущее не мыслится. $Ma \sim C$ влечет $Ca \sim M$
(2)	–	[78] Разъяснение с примером по аналогии о мыслимости белого (если мыслится объект с предикатом белого, то белизна мыслится вместе с объектом, «мыслимое – бело»), и аналогично, сущее

⁷ Нумерация разделов в версиях пересказа трактата Горгия дается по изданиям: для МХГ (Вольф М.Н. Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия. С. 152–169); для АМ (Секст Эмпирик. Против ученых. С. 73–77).

* Цифры в круглых скобках указывают на условные шаги аргумента.

** Мы записали аргументы в обеих версиях формально, чтобы наглядно показать, что и в одном, и в другом случае данное рассуждение Горгия, опирающееся на закон контрапозиции, является строгим (независимо от того, в какой из версий дано аутентичное изложение его собственной формулировки). В нашей записи мы приняли следующее обозначение для терминов: M – мыслимость некоторого объекта, C – существование.

		не мыслится, если свойственно мыслимому быть несущим (закон контрапозиции).
(3)	<p>§ 18</p> <p>1) Аргумент к тезису «не мыслимое не есть (фактуально) сущее», построенный на допущении отсутствия ложного и как следствие – подлинного существования всего (пример с колесницами на море).</p> <p>2) – (Аргумент о существовании мыслимого в разных видах в зависимости от мыслящего субъекта специально разбирается ниже, в III.2.)</p>	<p>[79]</p> <p>1) Аргумент к тезису «мыслимое не есть сущее»: опровержение перехода вещей в действительное существование вследствие их мыслимости (пример с летящим человеком и колесницами на море).</p> <p>2) Все мыслимое существует в разных видах, как бы кто их ни мыслил (каждый мыслит по-своему, отсылка к Протагору).</p>
(4)	-	<p>[80]</p> <p>Дополнение: в свою очередь, многое из несущего может мыслиться; аргумент от противоположения: если сущему свойственно быть мыслимым, то не-сущему свойственно не быть мыслимым (пример со Сциллой и Химерой). <i>ΜαС влечет ~ Са~ М</i></p>
2	Категориальный аргумент: различие и автономность разных способов постижения (восприятия и мыслимости) (эпистемический аргумент)	
(5)	<p>§ 19</p> <p>Как видимое, слышимое и др. познаваемо, но существуют не в результате познания, так и – по аналогии – мыслимое не приобретает существования в результате его познания (мыслимости) (исключение субъективного идеализма – «видимое не приобретает существование потому, что мы его видим» (§ 19 [14])).</p>	<p>[82]</p> <p>У каждого способа восприятия свой критерий (видимое видится, слышимое слышится, но не наоборот), и они не взаимозаменяемы. Также и мыслимые: даже если не воспринимаются зрением и не слышатся слухом, они имеют свой критерий.</p>
(6)	<p>§ 20</p> <p>Автономность разных способов восприятия и мыслимости влечет невозможность установить, которые из них обеспечивают привилегированный доступ к подлинному знанию о вещи (истинному познанию), поэтому из внешнего (независимого от чувств) существования вещей не следует их познаваемость (в противном случае было бы неприципиально, каким спосо-</p>	<p>[82]</p> <p>Опровергающий пример с колесницами на море от отсутствия подкрепления мыслимого фактуальным и указание на нелепость: некто мыслит нечто абсурдное, не видит этого в действительности, но все-таки (только мысля это) верит, что это так.</p> <p>Общий вывод: сущее не мыслится и не постигается (οὐκ ἄρα τὸ ὄν φρονεῖται καὶ καταλαμβάνεται).</p>

	<p>бом познавать вещь: мыслить, слышать или видеть, результаты этих процессов были бы тождественны).</p> <p>Общий вывод: даже если сущее есть – оно непознаваемо (ἄγνωστα εἶναι τὰ πράγματα).</p>	
III	III аргумент, эпистемический – свойства и функции слова/языка	
1)	Доказательство невозможности передать другому содержание знания:	
а	через природу слова	
(7)	<p>§ 21</p> <p>Опровержение того, что знание передается посредством слов. Как зрение не распознает звуки и слух слышит не цвета, так и говорящий произносит слова, а не цвета или вещи.</p>	<p> 83 – 84 </p> <p>Сущее есть внешняя реальность (субстанция), оно видимо, слышимо и вообще чувственно воспринимаемо, причем видимое из этой области постигается зрением, а слышимое слухом, а не наоборот. Может ли знание об этих областях сущего быть передано словом?</p>
(8)	<p>§ 22</p> <p>Если нечто не мыслится кем-то, невозможно добиться от него, чтобы он начал мыслить именно этот объект. В том числе посредством слов.</p> <p>Когда произносится слово, то произносится не звук (=который издает сама вещь) или цвет (=в который окрашена вещь), но слово (=которое указывает на звук или цвет вещи), поэтому невозможно помыслить цвет, но только увидеть его, как и звук можно только услышать.</p> <p>Вывод: слово не может служить медиатором при познании между тем, кто узнал, и тем, кто еще не знает, поскольку слово сообщает свою собственную природу (обладает собственной сущностью).</p>	<p> 84 – 85 </p> <p>Аргумент о категориальном отличии слова от любых других сущих:</p> <p>слово не является ни субстанцией (=внешняя реальность), ни сущим, т.е. слово не есть сущее в действительности, феноменальное, оно зарождается благодаря внешним вещам аналогично чувствам (цвету, вкусу).</p> <p>Вывод: посредством слов сообщается не сущее, а иная реальность.</p>
1)	Доказательство невозможности передать другому содержание знания	
б	через закон противоречия	через способ существования слова
(9)	<p>§ 23</p> <p>Если слушающему сказать о вещи, то он не будет мыслить при этом то же самое, что и говорящий.</p> <p>Обоснование: одна и та же вещь (знание о вещи) не может</p>	–

	быть в одном и том же отношении в двух разных местах (умах).	
(10)	–	<p> 86 – 87 </p> <p>Даже если допустить, что слово существует как субстрат (сущие, феноменальные вещи), то их цвета или звуки не делают ясной природу друг друга; так и слово отличается от прочих субстратов и не выражает множества других субстратов.</p> <p>Слово не указывает на вещь непосредственно (должен быть посредник между словом как произнесенным набором звуков и вещью, например <i>значение</i> слова (ср. стоический <i>лектон</i>)).</p> <p>Разные субстраты не делают ясной природу друг друга.</p>
2)	Доказательство невозможности двум разным субъектам мыслить одну и ту же вещь (через Закон противоречия) (проблема интер- и интрасубъективности).	(отсутствует в АМ как отдельный аргумент, только кратко упомянут в I.1)
(11)	<p>§ 24</p> <p>Даже если можно мыслить двум людям одну и ту же вещь, она не будет им казаться подобной, поскольку они не полностью подобны и не находятся в одном и том же месте, иначе не были бы двумя, но одним.</p>	–
(12)	<p>§ 25</p> <p>Одни и те же объекты человек воспринимает несходным образом в одно и то же время, например, видя и слыша объект или различая его теперь и до того. Поэтому даже один (каждый) человек воспринимает все не так же сам, и тем более – не так, как другой.</p>	–
Закл.	<p>§ 26</p> <p>Таким образом, ничего не существует, но если б что-то можно было познать, никто бы не смог сообщить о нем другому, поскольку вещи не есть слова и потому что никто не может мыслить то же самое, что кто-то другой.</p> <p>Эти апории возникают уже у древних, и изучать их надо, начиная с древних философов.</p>	<p> 87 </p> <p>В этих апориях, если их принимать, ускользает критерий. Раз нет сущего и оно по природе своей не может быть ни познаваемым, ни сообщаемым другому, то нет и критерия истинного познания.</p>

Из таблицы видно, что общий порядок изложения эпистемических аргументов в двух сохранившихся версиях различается незначительно, однако в содержательной части репрезентация аргументов имеет существенные расхождения.

В первой – онтологической – части речи Горгия последовательно анализируются предшествующие философские аргументы, в которых предлагалось то или иное обоснование принципов существования (противопоставление несуществованию, сущее как единое и многое, подвижное и неподвижное и т.д.)⁸. Аналогичный подход реализован и в эпистемических разделах, где внимание Горгия направлено в первую очередь на аргументы Парменида и Протагора, в контексте которых обсуждается возможная созависимость существования, мышления и познания. Различие заключается в том, что если Парменид рассуждает исключительно о свойствах мышления и мыслимости объектов, подчеркивая, что истинность сопряжена только с интеллигибельностью, на что указывает используемый Парменидом глагол νοεῖν (В 8.34–36 DK), то Горгий задает более широкий контекст для когнитивных способностей, называя мыслимое и познаваемое τὰ φρονούμενα.

Этот исходный субъект всего рассуждения Горгия задает характерный для него блок проблем. У Парменида, если следовать стандартной интерпретации его фрагментов⁹, мышление всегда обращено на сущее, τὸ ἔόν. Однако резонно задать вопрос, какое именно сущее подразумевается. Согласно В 8.34 DK мысль и ее содержание тождественны: «То же самое – мысль и то, о чем мысль возникает (ταὐτὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεκεν ἔστι νόημα), // Ибо без сущего, о котором она высказана, // Тебе не найти мышления» (пер. А.В. Лебедева). Если так, то откуда берется это содержание мышления? Чтобы ответить на этот вопрос, допустим очевидную на первый взгляд точку зрения, что речь отражает содержание нашего мышления, и сконструируем аналогичную гипотетическую ситуацию, где доминантным объектом будет выступать не мысль, а слово. Такая ситуация будет специфической прежде всего для софистического хода мысли. Наш искусственно сконструированный пример, который формулируется как «тождественны слово и то, о чем это слово», хорошо показывает, что проблема нахождения содержания становится более явной. В отличие от формулировки Парменида, он выглядит некорректно, поскольку ясно, что слово и то, на что оно указывает, не тождественны: слово только обозначает вещь, но не является ею. Однако в случае с мыслью создается впечатление, что мысль не указывает на свое содержание, а она и есть само это содержание, и не может быть направлена на внешние по отношению к ней и к ее природе (чувственно

⁸ Вольф М.Н. Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия. С. 204–209.

⁹ Стандартной для 2-й половины XX в. стала интерпретация, которая опирается на значения глагола *быть* и общее признание, что этот глагол используется Парменидом в В 2.3 и В 2.5 DK бессубъектно (и без предиката, что существенно для ряда последующих интерпретаций). Соответственно, указанные фрагменты приобретают вид «ἢ μὲν ὄλωσ ___ ἐστὶν ___ τε καὶ ὡς ___ οὐκ ἔστι μὴ εἶναι, ... ἢ δ' ὡς ___ οὐκ ἔστιν ___ τε καὶ ὡς χρεὼν ἐστὶ ___ μὴ εἶναι», с пропусками на месте отсутствующих в древнегреческом субъектов и предикатов у глагола *быть*. Считается, что задача всей поэмы – заставить слушателя реконструировать, что же на самом деле подлинно существует, т.е., подставить необходимые субъект и предикат в пропуски у глагола, и наиболее часто в качестве субъекта высказывания у разных интерпретаторов выступает существование (Вольф М.Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 96–105).

воспринимаемые) вещи. Таким образом, мы можем сформулировать базовую проблему, которая предшествует эпистемическому содержанию речи Горгия: может или нет мысль иметь своим содержанием какое-либо внешнее сущее, т.е. быть на что-то направленной, и является ли сущее независимым от мышления или следствием мышления¹⁰.

Итак, если теперь следовать идее Парменида, то очевидно, что «все мыслимое необходимо существует», и именно с этой мысли начинается эпистемический раздел речи Горгия в *MXG* (§ 17). Однако то, что в переводе передано как «мыслимое» (или «познаваемое»), в оригинале именуется τὰ φρονοῦμενα. То, что это слово из собственного вокабуляра Горгия, свидетельствует использование его в обеих версиях пересказа, а также на это указывает маркер цитаты у Секста – «...говорит Горгий (φροῖν ὁ Γοργίας)» (*AM VII. 77*). Имеются определенные затруднения с переводом этого слова. У О.А. Маковельского находим 2 варианта, вполне очевидные: «то, что мыслится» и «мыслимое»¹¹. А.Ф. Лосев предлагает более терминологически нагруженную конструкцию, к сожалению не разъясняя свой выбор, – «предметы мысли».

Перевод τὰ φρονοῦμενα предложенным выше образом, и как «предметы мысли», и даже просто «то, что мыслится», не совсем точно отражает смысл сказанного Горгием. Глагол φρονέω, от которого происходит τὰ φρονοῦμενα, в V в. до н.э. означал «чувствовать, ощущать, размышлять» и подразумевал, что субъект познания находится в здравом уме. Иными словами, τὰ φρονοῦμενα – это постижимое в самом широком смысле, как чувствами, так и здравым рассудком, включая такие способы представлений, как мечты, сны, иллюзии. В отличие от парменидовской нозтической достоверности, в этом случае речь идет не о чем-то, что достигается в результате истинного познания, а о любой ментальной сущности, «вещи в уме»¹².

¹⁰ Более существенной для античных философов оказывается не столько проблема интенциональности мышления как таковая, сколько направленность мышления на не-сущее. Обсуждение способности мыслить не-сущее (такое как невозможные объекты Сцилла или Химера, отсутствующие положения дел «человек летит», «колесницы сражаются на море» и др.) берет начало у Горгия, Зенона Китийского, затем получает развитие у Платона и Аристотеля. В частности, И.В. Берестов показывает, как для фрагмента В 8.34 DK можно установить направленность мысли на что-то (*Берестов И.В.* Парменидовские послышки в homo mensura Протагора // *ΣΧΟΛΗ*. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 663), В. Кэстон показывает, как на общем плане возникновения этой проблематики в античности формируются ответ Аристотеля на эту проблему (*Caston V.* Aristotle and the Problem of Intentionality // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1998. No. 58. P. 249–298).

¹¹ *Маковельский А.* Софисты. С. 29–33.

¹² В этом отношении дополнительный блок проблематики для понимания и соотнесения мысли Горгия и Парменида вносит В 16 DK, как и весь раздел «Доксы». Во фр. 16 DK читаем: «Какова в каждый момент пропорция смеси... // Такова и мысль (νόος), приходящая людям на ум. // Ибо Природа членов тождественна с тем, что она сознает (φρονέει), у людей, // и у всех, и у всего, а именно: чего больше, то и мыслится (букв. ибо многое есть мысль, τὸ γὰρ πλεόν ἐστί νόημα)» (пер. А.В. Лебедева). Во-первых, мы видим, как смещается мысль Парменида от мышления к постижению вообще и обратно и как он ставит в зависимость мышление (или постижение в широком смысле) от состояния тела. Можно предположить несколько интерпретаций для этого фрагмента: от указаний на античную теорию восприятия до теории возникновения ошибок в познании в связи с вмешательством тела и его ощущений и т.п., но то, что этот фрагмент фигурирует в изложении «ложной» части поэмы, сразу ставит под сомнение то, что Парменид всерьез рассматривал любую из этих возможностей познания (о некоторых интерпретациях и переводах В 16 DK см.: *Mourelatos A.P.D.* The route of Parmenides. Las Vegas, 2008. P. 253–259). Но не Горгий?

Выражения «вещь в уме», «ментальная сущность», в свою очередь, сопряжены с другим блоком проблем, связанных с субъективным идеализмом. Действительно, заглавный тезис в *MXG* «все τὰ φρονοῦμενα (вещи в уме) необходимо существуют» может навести на мысль, что если когнитивные способности воспринимают какую-либо вещь, то это гарантирует ее существование, в полном соответствии с принципом Беркли «Esse est percipi aut percipere». Ряд старых интерпретаций (Гегель, Кук Уилсон) прямо говорит о том, что *MXG* основывается на принципах субъективного идеализма, и Горгий рассматривает даже такие объекты, которые существуют в сознании и только в нем (ср. колесницы, которые сражаются на море)¹³. Если же рассматривать рассуждение Горгия как *reductio ad absurdum* и вообще внимательно проследить логику его аргументации, такая интерпретация исключена (хотя бы в силу прямого заявления в *MXG* 980a14: «видимое не приобретает существование потому, что мы его видим»). Если мыслимое существует не только в уме, коль скоро подразумевает весь спектр существования объектов, от подлинно сущих до материальных и иллюзорных, то это означает (во всяком случае, не исключает), что мысль все-таки может быть на что-то направлена.

Тем самым интерпретация τὰ φρονοῦμενα как «предметов мысли» выводит нас на понятие интенциональности. Когда говорится о *предмете* мышления, это предполагает, что мысль на что-то направлена, и это что-то является интенциональным объектом мышления, который должен существовать актуально, а не в возможности. Ключевым здесь является требование актуальности, и при этом не важно, существует данный объект только в сознании того, кто его мыслит, или в действительности (как в случае спора о субъективном идеализме). Когда речь шла о парменидовской νόησις, применимость к ней представлений о направленности и актуальном содержании мышления приходилось специально обосновывать. Есть ли необходимость доказывать, что *мыслимые* (τὰ φρονοῦμενα) у Горгия являются интенциональными объектами, действительно ли во всех контекстах τὰ φρονοῦμενα у Горгия являются *актуальными* «предметами мысли», и насколько сильно такая концепция повлияет на конечную интерпретацию его речи? По-хорошему прежде, чем допускать перевод «предметы мысли» нужно ответить на эти вопросы.

Вместе с тем допустимо говорить об интенциональности в интерпретации эпистемических разделов Горгия в более мягком значении, переводя этот вопрос в интерпретационный контекст: интенциональная интерпретация подразумевает, что речь идет о любых объектах, которые могут мыслиться и восприниматься любым способом, каким-то образом вовлекаться в когнитивные процессы; эпистемологическая интерпретация ставит вопрос о том, есть ли у какой-либо из познавательных способностей привилегированный доступ к реальности. Именно на этом различии построена интерпретация II эпистемологического раздела *ОНС*, два аргумента которого В. Кэстон (см. таблицу) называет интенциональным и эпистемологическим аргументами. Особенностью интенционального аргумента является то, что в нем не оговаривается какой-либо специфический тип ментального состояния, посредством которого осуществляется познание, и важно только то, каким образом оно соотносится с существованием (или не-существованием)

¹³ Краткое рассмотрение и опровержение этих интерпретаций см.: Caston V. Gorgias on Thought and Its Objects. P. 213, n. 31.

объекта, вне зависимости от того, соотносится этот объект с каким-либо реальным положением дел, истинны заключения о нем или нет. Эпистемический аргумент уточняет, есть ли среди наших ментальных состояний (видение, слышание, мышление или речь) такое, которое имеет привилегированный статус в отношении всех остальных, которое гарантирует если не истинное, то по крайней мере более точное познание¹⁴. Итак, мы видим, что уже базовая терминология Горгия порождает значительное количество проблем, свойственных не только античности, но и современной философии.

Эпистемологическая часть *ОНС* содержит два раздела, II и III эпистемические аргументы в общей нумерации шагов аргумента, считая I онтологическую часть. Общая структура представлена в таблице. Далее мы кратко охарактеризуем основные проблемные поля, которые представлены в обеих версиях пересказа.

Прежде всего, раздел II.1 рассматривает вопрос о соотношении мышления и существования, а также задает проблему интерпретации исходного тезиса для всего рассуждения – можно или нет считать решение этого вопроса сводимым к точке зрения субъективного идеализма, т.е. допускать, что мышление о вещи, с точки зрения Горгия, предшествует ее существованию. Из таблицы видно, что рассуждение в *MXG* более краткое. Секст формулирует исходный тезис как *Ma-C влечет Ca-M* и только на четвертом шаге рассуждения переходит к рассмотрению варианта *MaC влечет ~Ca-M* как одного из допущений, тогда как Аноним сразу сводит весь первый эпистемический аргумент именно к этому положению (см. шаги аргумента (1) и (4) в таблице). В остальном смысл данного блока рассуждения в обеих версиях в целом идентичен, включая приводимые примеры.

В версии *MXG* уже на шаге (3) в II.1 можно говорить об эпистемическом аргументе: § 18 поднимает проблему критерия как способа отличить истину от лжи. Хотя Горгий здесь не говорит о том, что какое-то из ментальных состояний приводит к истинному, а какое-то – к ложному познанию, но сам перевод дискуссии в контекст истинного и ложного уже задает принципиально иной план, чем просто направленность мышления на объект познания. Все познается или как истинное, или как ложное. Человек видит мир и выносит о нем суждения. Эти суждения могут соотноситься с достоверными фактами, а могут не соответствовать действительности, т.е. быть ложными, как в приводимом примере с летящими колесницами. Поскольку ложное соотносится с недостоверными фактами, не-существующим, то в соответствии с элейскими аргументами становится ясно, что если ложь *есть не-сущее*, тогда лгать невозможно, ложное оказывается не высказываемым, и соответственно, все выразимое становится истинным¹⁵. Это, в свою очередь, делает все существующие вещи не только подлинными, но и по критерию истинности – тождественными, хотя очевидно, что по способу постижения эти вещи различны. Помимо того, что раздел содержит очевидную отсылку к элеатовским способам постановки проблемы, здесь также явны отсылки к протагорейской проблематике «человека – меры» и того,

¹⁴ Caston V. Gorgias on Thought and Its Objects. P. 211, 224.

¹⁵ Эту же проблематику поднимал Платон в «Софисте», когда старался дать определение софисту, исходя из того, чем тот занимается. Фактически проблема сводилась к попытке определить ложное, т.е. сказать что-то *истинное о ложном*. План рассуждения и аналогичные примеры (летающий человек и пр.) позволяют тесно соотнести рассуждения Платона с рассуждениями Горгия.

что «никто не может лгать и противоречить другому». Первое положение наиболее ясно прочитывается у Секста на шаге (3)2): «мыслимое существует в разных видах, как бы кто их ни мыслил», а второе служит основанием для построения всего этого шага аргумента.

Раздел II.2 идентичен в обеих версиях, содержит категориальный аргумент¹⁶, направленный на критику природы лингвистического значения как референции, который развивает мысль о различении вещей по способу постижения, переходя непосредственно к доказательству того, что способы постижения (ментальные состояния) принципиально несводимы друг к другу. Также в основании аргумента прочитывается парменидовский тезис о привилегированном статусе мышления, который, однако, опровергается через соотношение мышления и других ментальных состояний. Прежде всего, ставится под сомнение то, что внешнее, независимое от какого бы то ни было ментального состояния, существование вещи гарантирует ее познание. С одной стороны, вещь, независимая от конкретного чувства, не возникает (оформляется) в процессе познания именно этим чувством, а значит, может быть познана и другими, независимыми способами. Однако, с другой стороны, именно это и создает проблему: автономность чувств и ментальных состояний, их несводимость друг к другу не дает оснований считать результат познания корректным. В противном случае было бы неважно, каким способом познавать вещь – мыслить, слышать или видеть, – результаты этих процессов были бы тождественны. Равно недостаточно и только внутренней убежденности в своей правоте в процессе мышления какой-либо вещи без подкрепления внешними фактами (AM).

Раздел III так же очевидно иллюстрирует общую для двух пересказов проблему понимания сущности слова. В III.1 обсуждается природа слова и опровергается расхожая предпосылка, что слово или речь является медиатором между чувственной и рациональной областями. Оба пересказчика согласны в том, что слово не может служить медиатором между внешними объектами и содержанием знания о них. Речь обладает своим собственным автономным познавательным статусом и является еще одним способом познания наряду с другими познавательными способностями. Оба пересказчика также согласны, что слова формируются таким же образом, как и другие чувства, – от воздействия внешних предметов¹⁷.

Важное различие этих разделов: *MXG* переводит рассуждение в субъективную область и говорит о том, что происходит, когда объекты мыслятся, произносятся или постигаются с помощью органов чувств *кем-то*, тогда как Секст продолжает рассуждение о различении *вещей* по способу постижения и говорит о самих сущих, отталкиваясь от стоического понятия «внешняя

¹⁶ Аргумент от категорий обсуждается в: *Mourelatos A.P.D. Gorgias on the Function of Language*. P. 136–141.

¹⁷ Отметим, что проблематика этого раздела тесно соприкасается с теорией восприятия Аристотеля, как она сформулирована в *De anima* 3.2 (425b25 и далее), – о передаче форм от объекта восприятия к субъекту «без материи» и, соответственно, о протекающих отсюда принципах соотношения вещей, восприятия и мышления (концепция представления как ощущаемого без материи, 432a5). В. Кэстон показывает, что эти вопросы тесно связаны с проблемой интенциональности (*Caston V. Aristotle and the Problem of Intentionality*. P. 249–298). В таком случае данный раздел рассуждения у Горгия требует отдельного рассмотрения в сопоставлении с позицией Аристотеля в *De anima*, тем более что и перипатетическая версия *MXG*, и ориентированная на стоическую проблематику версия Секста так или иначе определяются аристотелевским контекстом.

реальность» (τὸ ἔκτὸς ὑποκειμένου). Его рассуждение касается проблемы, является ли слово такой *внешней реальностью*, самостоятельным субстратом или оно возникает благодаря этим субстратам, как ответ на воздействие извне, получаемое от такого субстрата.

Сексту важно показать не категориальное отличие слова от других способов познания (что характерно для *MXG*), а то, что между словом и внешним предметом существует некоторая зависимость. Он хочет обратить внимание на то, что слово среди всех других «чувств» наиболее от них отлично. Например, в сравнении с видимым, слово не указывает на вещь прямо, как увиденный образ вещи и сама вещь, и не связано с вещью непосредственно. Оно может существовать «в отрыве» от вещи, произноситься отдельно, и именно эта специфика слова вводит в заблуждение, заставляет думать, что оно является *следствием* мышления. Но на самом деле не слово объясняет внешний предмет, а внешний предмет объясняет слово.

Расставляя акценты в своем пересказе указанным выше образом, Секст активно опирается на проблематику стоиков. Автономность слова делает возможным предположить наличие определенного посредника между словом и вещью, близкого к тому, что мы понимаем под смыслом, или тому, что у стоиков называлось *лектон*, в средние века – концептом (неоформившейся мыслью) и т.д. Именно Сексту принадлежит часто цитируемый фрагмент, касающийся стоической концепции обозначающего как словесного выражения обозначаемой вещи (τὸ λεκτόν), в котором он и использует понятие «внешней реальности». Как пишет Секст (*AM VIII.2, 11–12*), стоики считали, что «три [элемента] соединяются вместе: обозначающее, обозначающее и предмет». Предмет – это то, что находится вне (τὸ ἔκτὸς ὑποκειμένου), обозначающее – это слово, или звуковое обозначение вещи, и эти два элемента телесны. Обозначаемое – это сама вещь в том виде, в каком она устанавливается в нашем разуме, и именно благодаря ей мы способны соотнести внешний предмет и соответствующее ему слово, т.е. то, что превращает комбинацию звуков в осмысленное выражение, наделяет слова смыслом. Тем самым именно в пересказе Секста применительно к Горгию поднимается проблема референции как соотношения вещи, слова и смысла, которая в таком виде полностью отсутствует у Анонима.

Аноним, в свою очередь, ставит проблему иначе. Слушающему можно сказать о вещи, но он не получит знания о ней, но даже не в силу автономности речи как познавательной способности, а в силу закона противоречия. Именно в пересказе Анонима впервые и задолго до Платона и Аристотеля мы встречаем формулировку закона непротиворечия: «одно и то же не может одновременно присутствовать во многих и отдельных [лицах]; ибо в этом случае одно стало бы двумя» (*MXG 980b10*). Велико искушение заявить, что Горгий и был первым, кто сформулировал этот закон, если бы не общее согласие исследователей в том, что Аноним сам принадлежал к перипатетической школе, и в таком случае использование закона в пересказе служит скорее объяснением аргумента вследствие приверженности школе, тем более что отсылки к закону отсутствуют в версии Секста.

Раздел III.2 в структуре аргументов в развернутом виде присутствует только в изложении Анонима и посвящен проблеме интерсубъективности познания. Однако сказать, что этот момент полностью отсутствует у Секста, нельзя: в разделе II.1 он вносит в рассуждение важную оговорку относительно того, что все мыслимое существует в разных видах, как бы кто их ни

мыслил, хотя и не разбирает этот аргумент подробно. Такой разбор представлен только у Анонима, и, так же как и предыдущее рассуждение, он основан на законе противоречия, который в этот раз применяется им как к интерсубъективному познанию, так и к отдельному индивиду. Смысл рассуждения в том, что одно и то же знание не может находиться в одном и том же отношении в умах двух разных людей, в противном случае они стали бы не двумя, а одним и тем же человеком. В той же мере это требование применимо и к одному человеку: один и тот же человек не сохраняет своего тождества ни во времени, ни в пространстве, ни категориально – он или видит один и тот же объект, или его слышит и т.п. Фактически Горгий предвосхищает формулировку скептического тропа относительности (*Pyrrh. Hyp. I. 38–40*), которую потом широко будет использовать Секст, и тем более любопытно, почему он не привел этой части рассуждения в своей версии.

Таким образом, даже в первом приближении видно, что обе версии пересказа Горгия равноправны по своему философскому значению, нельзя сказать, что какая-то из них фиксирует исключительно проблемы риторики или софистики, а другая – только философские проблемы. Они вполне согласованно и сходным образом представляют то философское содержание, которое затронуто Горгием. В то же время они дополнительные в отношении друг друга, одна версия содержит части и примеры, отсутствующие в другой, и судя по косвенным факторам, можно допустить, что пропущенные в разных версиях части, тем не менее, имелись в оригинальной версии. Другое дело, что содержательно оба пересказа предлагают разные интерпретации аргументов, например, как мы видели, перипатетическая версия Анонима строит аргументацию, опираясь на закон противоречия, а версия Секста исходит из характерных для эллинистического периода дискуссий между скептиками, стоиками и эпикурейцами, однако это не сказывается на общем философском характере всей проблематики, напротив, показывает включенность *софистической* проблематики в общую *философскую* парадигму и вместе с этим – ее приемлемость и значимость для последующих (в том числе современных) философских дискуссий.

Список литературы

- Берестов И.В. Парменидовские послышки в homo mensura Протагора // СХОАН. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 659–670.
- Вольф М.Н. Стандартная англоязычная интерпретация Парменида // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 96–105.
- Вольф М.Н. Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в «De Melisso Xenophane Gorgia», V–VI: Условно-формальная структура и перевод // СХОАН. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 152–169.
- Маковельский А. Софисты. Вып. 1. Баку: Изд. НКП АзССР, 1940. 47 с.
- Орлов Е.В. О русских переводах Аристотеля // Вестник ТГУ. 2007. № 298. С. 51–59.
- Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. Т. 1 / Общ. ред., вступ. ст. и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1975. 399 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
- Caston V. Aristotle and the Problem of Intentionality // Philosophy and Phenomenological Research. 1998. No. 58. P. 249–298.
- Caston V. Gorgias on Thought and Its Objects // Presocratic Philosophy: Essays in honour of Alexander Mourelatos / Ed. by V. Caston and D.W. Graham. Aldershot: Ashgate, 2002. P. 205–232.

- Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch / Hrsg. von H. Diels. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903. x, 601 S.
- Kerferd G.B. Gorgias on Nature or That Which Is Not // *Phronesis*. 1955/56. Vol. 1. No. 1. P. 3–25.
- Mourelatos A.P.D. Gorgias on the Function of Language // *Philosophical Topics*. 1987. Vol. XV. No. 2. P. 135–170.
- Mourelatos A.P.D. The route of Parmenides. Rev. and exp. ed. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008. iix, 408 p.
- Striker G. Methods of sophistry // *Striker G. Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 3–21.

Gorgias's speech "On non-being": the order of arguments and their philosophical content in two narratives that retell it*

Marina N. Volf

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Science. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Tomsk State University. 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: rina.volf@gmail.com

The paper discusses the philosophical features of two narratives retelling Gorgias' treatise "On non-being": the skeptical version of Sextus Empiricus' and the peripatetic version of an anonymous author. The author proposes a comparative analysis of the arguments adopted by the informants in their presentation of Gorgias's thoughts. She examines several philosophical problems raised by Gorgias in his treatise as they were discussed in the retellings of his speech. The paper shows how these two versions complement and clarify each other in relation to a number of philosophical topics. It shows how Gorgias renovates and transforms Parmenidean initial assumptions and transfers the discussion topic from how thought could be directed to an external object and what the properties of such an object are to how thought could be directed to a non-being. Accordingly, in relation to the doctrine of Gorgias, the paper considers the problems of intentionality, the question of the privileged status of any of the mental states, the nature of the word or speech as an autonomous way of knowing of external objects, the problem of meaning as reference, and issues of intersubjectivity in cognition. It is concluded that the preference for one narrative significantly impoverishes our understanding of the doctrine of Gorgias, whereas a joint analysis of both versions is able to demonstrate the inclusiveness of sophistry problems shown by Gorgias in the general philosophical and the epistemological paradigm of both ancient and modern philosophy.

Keywords: sophistry, Gorgias, Parmenides, Sextus Empiricus, argumentation, structure of arguments, ancient epistemology, intentionality, thought, apprehension, subjective idealism, mental states

For citation: Volf, M.N. "Poryadok argumentov i ikh filosofskoe sodержanie v epistemicheskikh razdelakh rechi Gorgiya 'O ne-sushchem' po dvum versiyam ee pereskaza" [Gorgias's speech "On non-being": the order of arguments and their philosophical content in two narratives that retell it], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 4, pp. 112–127. (In Russian)

---

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 17–03–00360–DHS–A "Gorgias' of Leontini Descriptive epistemology in the context of philosophical reading of the Ancient Sophistic".

References

- Berestov, I.V. "Parmenidovskie posylki v homo mensura Protagora" [Parmenides' Premises in Protagoras' Homo Mensura], *ΣΧΟΛΗ*, 2016, Vol. 10, No. 2, pp. 659–670. (In Russian)
- Caston, V. "Aristotle and the Problem of Intentionality", *Philosophy and Phenomenological Research*, 1998, No. 58, pp. 249–298.
- Caston, V. "Gorgias on Thought and Its Objects", *Presocratic Philosophy: Essays in honour of Alexander Mourelatos*, ed. by V. Caston and D.W. Graham. Aldershot: Ashgate, 2002, pp. 205–232.
- Diels, H. *Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903. x, 601 S. (In German)
- Kerferd, G.B. "Gorgias on Nature or That Which Is Not", *Phronesis*, 1955/56, Vol. 1, No. 1, pp. 3–25.
- Lebedev, A.V. (ed. and trans.) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast 1: Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniia atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Pt. 1: From the epic theocosmogony to the emergence of atomism]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 576 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. (ed. and trans.) Sextus Empiricus, *Sochinenija* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl Publ., 1975. 399 pp. (In Russian)
- Makovelski, A. *Sofisty* [Sophistes], Vol. 1. Baku: NKP AzSSR Publ., 1940. 47 pp. (In Russian)
- Mourelatos, A.P.D. "Gorgias on the Function of Language", *Philosophical Topics*, 1987, Vol. XV, No. 2, pp. 135–170.
- Mourelatos, A.P.D. *The route of Parmenides*, rev. and exp. ed. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008. iix, 408 pp.
- Orlov, E.V. "O russkikh perevodakh Aristotelia" [On Russian Translations of Aristotle], *Tomsk state university journal*, 2007, No. 298, pp. 51–59. (In Russian)
- Striker, G. "Methods of sophistry", in: G. Striker, *Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 3–21.
- Volf, M.N. "Standartnaia angloiazychnaia interpretatsiia Parmenida" [Standard Anglo-American interpretation of Parmenides], *Vestnik NGU, Ser.: Filosofiya*, 2009, Vol. 7, No. 2, pp. 96–105. (In Russian)
- Volf, M.N. "Traktat 'O ne-sushchem, ili O prirode' Gorgiia v 'De Melisso Xenophane Gorgia', V–VI: Uslovno-formalnaia struktura i perevod" [Gorgias' 'On not-being or On nature' in 'De Melisso Xenophane Gorgia', v–vi: Its Formal Structure and a Translation from the Greek into Russian], *ΣΧΟΛΗ*, 2014, Vol. 8, No. 2, pp. 152–169. (In Russian)